

ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

УДК [069(620):264-93]:94

В. П. Поршнев

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО АЛЕКСАНДРИЙСКОГО МУСЕЙ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Музей (**Mouseion**) в Александрии Египетской, в первую очередь, изучается не как архитектурное сооружение, но как сообщество знаменитых литераторов и ученых, оставившее нам обширнейшую коллекцию текстов, составляющих то, что мы называем александрийской словесностью и александрийской наукой. Однако люди, подарившие нам это наследие, были еще и служителями языческого культа. Следовательно, существовало некое сакральное пространство, где они не только совершали обряды в честь Муз, но проживали и кормились. К этому внутреннему пространству, включавшему постройки непосредственно на территории святилища, следует добавить внешнее, охватывающее ту часть городской среды, которая обеспечивала сообществу Мусея осуществление его многосторонней деятельности.

Начиная с исторических трудов, появившихся уже на рубеже XVI – XVII вв., возникла своеобразная мифология Мусея. Первой составляющей такой мифологии стало положение о том, что Музей возник как дополнение и приложение к знаменитой Библиотеке. Юст Липсий писал еще в 1602 г.: «Ведь если бы только они [библиотеки] одни были, заявляю я, то, либо редкий гость, либо вовсе случайные посетители туда заглядывали, к чему такое скопление народа? И были бы там плодотворны ученые изыскания, как призывает Сенека? Это также предусмотрели правители Александрии и одновременно с библиотеками они обустроили Музей (так называли будто бы храм Муз), где занятия имели мужи, преданные Музам и от других забот свободные. Мало того, от забот житейских и добычи пропитания свободные, так как все блага им за счет казны даровались»¹.

Между тем, на то, чтобы пригласить и обустроить сообщество служителей Муз, даже если их содержание стоило больших средств, требовалось гораздо меньше времени, чем на длительный процесс собирания и переписывания сотен тысяч рукописей. А прообраз будущего Мусея, кружок интеллектуалов, поддерживаемых Птолемеем I, сложился еще до

¹ *Justi Lipsii. De bibliothecis syntagma. Antverpiae, 1602. P. 32.*

переезда царского двора из Мемфиса в Александрию. На службу Птолемею перешли Аристандр Тельмесский, прорицатель, сопровождавший Александра Македонского в восточном походе, историк Гекатей Абдерский, собиравший сведения о египтянах и иудеях, Манефон, жрец и хранитель храмовых архивов, Тимофей, впоследствии – создатель культа Сераписа, а в те годы – царский переводчик при Птолемее, египетский жрец и философ Псаммон, ранее наставлявший Александра Великого. Это было небольшое сообщество, но и число тех, кто в дальнейшем формировал костяк Мусея, оказывается не больше десяти – двенадцати человек². Хотя второй мифологической составляющей истории Мусея сделалось убеждение, что там пребывало и кормилось не менее полутора сотен служителей.

Из этой предпосылки в сознании читателя исторических трудов невольно возникает третья мифологема – не подтвержденный никакими источниками образ величественного и пышно украшенного здания, возвышающегося над всем городом и служащего достопримечательностью для путешественников. Хотя современники Мусея не только не записали его в канон семи чудес света, но и вообще не оставили сколько-нибудь подробных описаний. Страбон сообщает предельно кратко: «Мусей <...> является частью помещений царских дворцов; он имеет место для прогулок [peripatos], экседру [exedra] и большой дом [oikos megas], где находится общая столовая [syssition] для ученых, состоящих при Мусее» (*Strab.*, XVII, 1, 8). В I-м Мимиямбе Герода (*Herod. Mim. I*, 31) Мусей включен в перечень богатств Египта, наряду с добрым царем, палестрами, хорошим климатом, винами, красивыми женщинами и единственным упомянутым при таком произвольном перечислении культовым местом – священным участком Птолемея II и Арсинои. Другие авторы вовсе хранят молчание о Мусее. Молчит и такой важный источник как чеканившиеся в городе монеты, где на реверсе часто изображали знаменитые здания Александрии. Мы встречаем силуэт Маяка, храмы Исиды и Карпократа, Сераписа, Благого Демона, но ни на одной из монет нет Мусея³. Наконец, несмотря на многолетние усилия археологов, в Александрии не найдено ни одного фрагмента, который можно было бы отождествить с Мусеем. Историки архитектуры занимаются его гипотетической реконструкцией, но отсутствие археологического материала приводит либо к краткому перечислению предполагаемых построек⁴, либо к произвольному фантазированию на основе аналогий с известными памятниками античной архитектуры и храмами птолемеевского времени. Притом, если прежде облик Мусея рисовался больше в традициях греческой классики, после подводных исследований 1990-х гг. выяснилось, что Александрия имела гораздо более «египетский» облик, чем предполагалось

² При этом вокруг каждого из его постоянных членов складывался кружок учеников, друзей и поклонников, уже не находившихся на царском содержании. Аргументы в пользу немногочисленности служителей Мусея и «кружкового» принципа его организации см.: Поринев В. П. Кружки ученых и поэтов при Александрийском Мусее // Индо-европейское языкознание и классическая филология – XI. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб., 2007. С. 250-258.

³ Handler S. Architecture on the Roman Coins of Alexandria // *American Journal of Archaeology*. 1971. Vol. 5. № 1. P. 57-74; Christiansen E. The Roman Coins of Alexandria. Aarhus, 1988. Vol. 1 – 2; Emmett K. Alexandrian Coins. Lodi, 2001.

⁴ McKenzie J. The Architecture of Alexandria and Egypt, C. 300 B.C. to A.D. 700. New Haven; London, 2007. P. 50.

ранее⁵. Поэтому в качестве предполагаемого декора Мусея и Библиотеки стали предлагаться египетские капители, пилоны, обелиски, фигуры сфинксов.

Все такого рода реконструкции имеют чисто искусствоведческий интерес, тогда как для истории библиотечного и музейного дела более важно понять логику организации пространства Мусея и всего его окружения, проследить, насколько позволяют источники, этапы строительства. Сам по себе Мусей, без окружающих его построек, вряд ли мог по размерам и роскоши соперничать с храмами главных богов, почитаемых в городе. Самое древнее, известное нам святилище Муз – беотийское, представляло собой простой каменный жертвенник под открытым небом, возле которого полукругом располагались статуи Муз. Но окружение святилища включало в эллинистическое время уже и театр, и отдельные священные участки с жертвенниками Гесиоду и Пиндару, и стометровую стую с колоннами ионического ордера, и множество статуй и стел с посвятельными надписями. О городских Мусеях Эллады много пишет Павсаний. Сопоставив фрагментарные сведения Павсания с классическим трактатом по архитектуре Витрувия, мы делаем вывод, что городские Мусеи более всего подходят под описание храма гипетр, чья отличительная черта – внутреннее дворовое пространство с жертвенником, окруженное колоннами и внешними стенами (*Vitr.*, III, 2, 8). Оно могло дополняться по всему периметру разными пристройками, где размещались библиотеки, экседры, вотивные коллекции и т. д.

Первым актом закладки Александрии, поскольку требовалось обеспечить городу покровительство отеческих и местных богов, было совершение религиозных обрядов и выделение особого квартала, на пространстве которого архитекторы Александра Великого, при личном участии самого царя, разметили границы священных участков (**hieroi temenoi**). Судя по сведениям Страбона (XVII, I, 8) и Арриана (*Anab.*, III, 1, 4), они предшествовали будущему кварталу царских дворцов и располагались подряд. Исключение составлял заложенный позже храм Сераписа. Такие участки, квадратной или прямоугольной формы, отделялись друг от друга глухими стенами или проходными портиками.

Совсем не обязательно, чтобы все храмы строились одновременно. В первую очередь, конечно, были заложены храмы главных богов, более значимых для только что возникшего города, чем Музы. Ведь в окружении Александра в 331 г. не предполагалось, что город станет столичным, и трудно представить, что уже тогда было задумано все то, что позже создали Птолемеи. Авторы сообщают о строительстве героона Протею, богу-покровителю острова Фарос (*Ps.-Callisth.*, I, 32), и о храме Исиды (*Arr. Anab.*, III, 1, 4). Скорее всего, тогда же был заложен храм Посейдона (*Strab.*, XVII, 1, 9; выявлены его фундаменты). Сразу за ним сакральное пространство как бы переходило в профанное, занимаемое дворцами. Но, нужно помнить, что заживо обожествленные Птолемеи в сознании народа также были объектами поклонения, переносимого на их жилища, следовательно, мы можем продлить священную территорию вплоть до мыса Лохиада, до того места, где теперь построено здание Новой Библиотеки.

⁵ *Empereur J. Y. Diving on a sunken city // Archaeology. 1999. № 2. March – April. P. 36-43.*

Прочие участки могли оставаться свободными еще долгое время. Следовательно, возможная дата основания Мусея растягивается с 331 г. до середины 290-х гг. до Р.Х. Его пространственная локализация еще менее очевидна: неизвестно, где именно находился квадратный или прямоугольный теменос, который мог вместить все перечисленные Страбоном постройки, даже с учетом того, что вместо храмового здания (в отличие от теменоса храма Сераписа, где доминировал периптер, окруженный многостолпными гранитными колоннами), здесь был лишь скромный жертвенник под открытым небом, не занимавший много места. Это могла быть территория между исследованными фрагментами храмов Цезаря и Посейдона, или же к югу от храма Цезаря. Последние годы археологи все чаще обращаются к затопленным районам древнего города, утверждая, что Мусей и Библиотека покоятся на морском дне⁶.

Если обратиться к истокам поклонения Музам, мы обнаружим, что в основе его лежат не художественное творчество и наука, а погребальные и поминальные обряды в честь героев и выдающихся личностей, включающие жертвоприношения и ритуальные игры. Почти все известные нам за пределами Александрии Мусеи имели на своих священных участках или рядом с ними какие-либо захоронения, или же, если подобрать современные аналогии, – мемориалы. Вряд ли Александрия была исключением из этой многовековой религиозной традиции.

Формальным поводом для закладки Мусея могло быть воздание почестей Протею, богу-покровителю места. Его героон стал первым монументом будущего города, а позже Протей воспринимался как древний царь этого места, участвовавший в войне Диониса с ливийскими амазонками и встретивший здесь Диониса, явившегося в окружении Муз.

Другой возможный повод – намерение Александра Македонского обожествить своего гетайра Гефестиона. По Арриану (VII, 23, 6 – 8), Александр уже отдал письменное распоряжение Клементу из Навкратиса, управлявшему Египтом, строить храмы Гефестиону на Фаросе и в городе для дальнейшего почитания его как бога. Может быть, и тело гетайра предполагалось перевезти в Александрию. Царь отказался от этой затеи только после получения неблагоприятного оракула из храма Аммона (*Arr. Anab.*, VII, 14, 7; *Plut. Alex.*, 72). Но, поскольку прах Гефестиона остался в Экботанах, следующий и самый весомый повод для появления и первичного функционирования Мусея – погребение в Александрии самого Александра Великого.

В Мемфисе набальзамированное тело царя оставалось по крайней мере полтора десятилетия, прежде чем его перевезли в Александрию. По некоторым источникам это событие относится уже к царствованию Птолемея II Филадельфа (*Paus.*, I, 7, 1), хотя в большин-

⁶ К сожалению, даже после двадцати лет подводных изысканий, ясности в этом вопросе нет, что признает и директор Centre d'études Alexandrines, руководитель раскопок Жан-Ив Амперер. Его обобщающие труды в английских переводах: *Empereur J.-Y.*: 1) *Alexandria Rediscovered*. London; New-York, 1998; 2) *Alexandria: Jewel of Egypt*. London; New-York, 2002. Более поздние исследования повторяют прежние гипотезы: *Trumble K., Marshall R. M.* *The Library of Alexandria*. London; New-York, 2003; *Pollard J.* *The Rise and Fall of Alexandria: Birthplace of the Modern World*. London; New-York, 2007.

стве своем историки связывают этот акт с коронацией Птолемея I в 307 г.⁷ Гробница упоминается Страбоном сразу вслед за Мусеем (*Strab.*, XVII, 1, 8.). Мы не знаем, как выглядела постройка, называемая авторами **Soma** (буквально – тело), **Sema** или **Mnema** (памятник, гробница, мемориал) (*Strab.*, XVII, 1, 8; *Ps-Callisth.*, XXXIV, 6; *Zenob.*, III, 94). В большинстве реконструкций Александрии, которые делаются уже с середины XIX в., Сема помещается к югу от предполагаемого местонахождения Мусея, так как затем Страбон говорит о некрополе Птолемеев, а его обширную территорию можно локализовать только на юго-восток от храмовых комплексов города. Можно осторожно предположить, что их разделяла только стена, окружавшая теменос Мусея. Важнее территориальной близости, впрочем, была сакральная связь, проистекающая именно из древнейших погребальных обрядов и обычаев.

Возвращаясь к упомянутому кружку интеллектуалов, собранных Птолемеем I в Мемфисе (его деятельность стала как бы прелюдией к созданию Мусея), отметим, что Аристандр Тельмесский и Гекатей Абдерский были непосредственными участниками Восточного похода. Псаммон, по сведениям Плутарха, был наставником Александра Великого (*Plut. Alex.*, 27). Они переезжают в Александрию вслед за царским двором.

Это событие, как и перенос останков Александра Великого, датируется по-разному; исследования последнего десятилетия склоняются к поздней датировке⁸, откладывая его до 290-х гг., следовательно, – ученые приехали уже не на пустое место. Мы рассматриваем их как первый «хор» Мусея, к которому присоединятся другие знаменитости, приглашенные издалека. Первоначальное ядро Александрийской Библиотеки, до того, как Птолеми стали собирать все книги на Земле, образовали документальные записи Восточного похода, привезенные в Египет Птолемеем Лагом и использовавшиеся затем всеми историками, писавшими об Александре. Их можно было легко разместить в пристройках, окружавших двор Мусея.

Затем культ Александра начинает постепенно уступать первенство культу царей новой династии, вобравшему (наряду с греческой традицией почитания героев) элементы, характерные для исконно египетского обожествления фараонов⁹. Царский некрополь (*Strab.* XVII, 1, 5; 1, 8; *Diod. Sic.* VII, 52; XVIII, 26 – 28), постепенно разрастаясь, занимает территорию к востоку от Семы. В честь Птолемея I учреждаются мусические агоны – Птолемейи. Они добавились к тем празднествам, что еще ранее устраивались в честь Диониса (*Athen.*, VII, 276b), и включали роскошные шествия на улицах и на городском стадионе. Описание одного из них Афиней (V, 196 – 203) воспроизвел, ссылаясь на Калликсена Родосского, писателя, которого мы можем причислить к кругу служителей Мусея. Но ясно, что помимо

⁷ Серова М. Ю. Культ Александра Великого в Александрии Египетской // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2004. Вып. 3. С. 135-144.

⁸ Литвиненко Ю. Н. Сатрап Птолемей и Сострат Книдский: захват Мемфиса // Вестник древней истории. 1999. № 2. С. 32-49.

⁹ Ладынин И. А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2004. Вып. 3. С. 145-184.

описательной работы содружество Мусея исполняло и всю работу по подготовке и проведению празднеств.

Между тем, архитектурный облик города пополняется все новыми «мемориалами». Птолемей II воздвигает храмы, посвященные его отцу (**Ptolemaion**) и матери (**Bereniceion**)¹⁰. Ему и его жене-сестре Арсиное при жизни воздаются божественные почести; появляется их отдельный священный участок – **theon adelphon temenos** (*Herod. Mim. I, 31*). После смерти Арсиной царь строит храм ее памяти (**Arsinoeion**), где во дворе устанавливается гигантский обелиск, и архитектор Тимохар (Диохар) пытается соорудить в святилище магнитный потолок, чтобы статуя царицы казалась висящей в воздухе. (*Plin. Hist. nat., XXXIV, 148; XXXVI, 68; XXXVII, 108; Auson. Mosell., 311 sqq.*)

Птолемей IV Филопатор, как сообщается в III центурии Зенобия, перестроил мавзолей Александра, или даже построил новый. Как будто бы туда, вместе с телом Александра, были перенесены и останки всех его царственных предков (*Zenob., III, 94*). Если принять сообщение автора II века от Р. Х. за истину, можно представить мемориальный зал, в центре которого, в прозрачном гробу, покоилось тело Александра Великого, доступное для созерцания (*Suet. Div. Aug., 18*) и окруженное мумиями Птолемеев.

Птолемей IV воздвигает и храм Гомеру (*Ael. Var. hist., XIII, 22*), благоговейное отношение к которому переросло в культ. Позже неоплатоники, чья философия зародилась именно в Александрии, прямо объявляли его тексты боговдохновенными.

Так, постепенно Мусей оказывается в сердцевине большой «мемориальной» зоны, формирование которой продолжается в царствование Клеопатры VII и завершается при римских императорах.

Клеопатра заранее закладывает себе гробницу не на территории некрополя, а вблизи храма Исиды (*Plut. Ant., 74*), и одновременно начинает строительство оставшегося незавершенным храма в честь Антония. Видимо, именно его Октавиан Август превращает в храм императорского культа – **Caisareion**, фрагменты которого обнаружены в 1992 г. Храм с портиками, библиотекой, священной рощей (видимо – озелененным внутренним двором), золотыми и серебряными статуями, тремя обелисками (*Phil. Ad Gaium, 150f; Plin. Hist. nat. XXXVI, 39*), был отделен от остальных святилищ новой площадью (*Forum Julium*). Скорее всего, он занимал место к западу от Мусея. Может быть с императорским культом была также связана пристройка к Мусею, выполненная по повелению императора Клавдия (*Athen. VI, 240b*), о которой будет сказано ниже. Наконец возводится храм Адриана (**Hadrianeion**), не только поощрявшего деятельность Мусея, но и участвовавшего в беседах с его учеными (*Ael. Spart. Vit. Hadr., 20*). К этому времени мемориальная функция Мусея, бывшая, согласно нашей гипотезе, первичной, давно уступила первенство другим.

Перемены связываются с приездом в Александрию Деметрия Фалерского и Стратона Физика. С деятельностью Деметрия Фалерского логично связать возведение во

¹⁰ *McKenzie J. The Architecture of Alexandria and Egypt ... P. 51.*

дворе Мусея Большого дома, упомянутого Страбоном. Прилагательное **megas** не говорит нам о его абсолютной величине, это могла быть лишь самая крупная постройка на священном участке. Число поэтов и ученых, наиболее вероятных кандидатов в члены союза служителей Муз в Александрии даже при втором и третьем Птолемах (периоды наивысшего расцвета Мусея) не превышало полутора – двух десятков. Приняв это число, мы можем предположить, что каждому из них отводились целые апартаменты с прислугой, ведь жизнь александрийских интеллектуалов была отнюдь не аскетической, как можно судить по образу жизни третьего главы Мусея – придворного поэта Каллимаха.

У содружества была общая казна – **chremata coina** (*Strab.*, XVII, 1, 8). Казнохранилище удобнее всего было разместить в подвальном помещении. Есть основания считать, что пожалованная Птолемахами казна не лежала мертвым грузом. В Александрии, где ростовщичество процветало, общая казна, пускаемая в оборот, давала бы Мусею больше независимости в его расходах. Следовательно, возможно было даже какое-то подобие банка, с соответствующим штатом.

Трапезная (**syssition**), скорее всего, являлась частью здания. Это была не просто зала, где за общим столом собирались умы и таланты. Сисситии у греков были формой интеллектуального общения, с обязательными застольными беседами и дискуссиями на заданные темы, но при этом трапеза становилась частью ритуала: вкушалась жертвенная пища, следовательно, сотрапезниками выступали божества, в данном случае – Музы. В Спарте, со времен Ликурга, установившего сисситии, количество сотрапезников не превышало пятнадцати человек (*Plut. Lyc.*, 12). Примерно на такое же число мест для сидения рассчитаны известные нам по архитектурным фрагментам экседры для бесед и дискуссий. Они выглядели как полуциркульные объемы с несколькими мраморными скамьями, выступающие из общего массива здания и отделенные от внешнего пространства колоннами. Поэтому экседра Александрийского Мусея могла быть пристройкой к Большому дому.

С Большим домом, если он имел обычную для Египта плоскую крышу, логично связать обсерваторию. Остается упомянутый Страбоном перипат. Трудность его локализации в том, что это галерея для прогулок, предполагающая наличие сада. Его прототип, несомненно, аналогичные галереи в Академии (*Diog. Laert.*, IV, 1, 19) и в Ликее (*Ibid.*, V, 2, 53). Но в Афинах больших размеров сады окружали святилища Муз двух знаменитых учебных заведений. В Александрии мы предполагаем либо озелененный двор Мусея, либо должны допустить, что сразу к востоку от Мусея начинались царские сады, с которыми Мусей был территориально связан. Например, одну из замыкающих его стен могла заменять сквозная колоннада, соединяющая теменос Мусея с садами.

Споры у исследователей уже несколько столетий вызывает вопрос, была ли Библиотека частью Мусея как архитектурного комплекса. Большинство историков

помещают их рядом¹¹. Мы должны еще раз подчеркнуть, что не Мусей сложился при Библиотеке, а Библиотека стала результатом многолетних трудов служителей Мусея. Первичное ее ядро, как уже было сказано, составлял архив обожествленного Александра Македонского. Эти рукописи еще можно было разместить в портиках, окружавших двор Мусея, но уже в конце служения Деметрия Фалерского строится здание, вероятно примыкавшее к одной из внешних стен Мусея, где хранилось, по разным источникам, от 400 000 до 700 000 папирусных свитков.

Мы можем допустить, что Большой дом во дворе Мусея вмещал лаборатории ученых, залы автоматов и часть естественнонаучных коллекций. На этом теменос Мусея, видимо, уже исчерпывал свои пространственные ресурсы. Между тем, деятельность Мусея становится к середине III в. до Р. Х. столь разносторонней, что для ее обеспечения требовались все новые площади. И мы должны опять обратиться к внешней по отношению к Мусею среде.

Для удобства изложения мы разделим научные исследования и художественное творчество на две относительно самостоятельные сферы, поместив между ними преподавание наук и словесности. В действительности служители Мусея свободно переходили из одной сферы в другую, причем все виды занятий сохраняли прочную связь с языческим культом. Эту связь особенно важно иметь в виду, когда речь идет о творческих состязаниях (агонах), зрелищах, процессиях. Поэтому в сакральное окружение Мусея мы правомерно включаем такие здания как театр, городской стадион, улицы по которым шли процессии (помпы), а также римский Одеон.

Стадион, бывший местом проведения столь красочно описанных Калликсеном игр (Птолемейев) (*Athen.*, V, 27, 197d), примыкал к храму Сераписа: возле его восточной стены обнаружены остатки стадиона римского времени, но предполагается, что римляне реконструировали постройку Птолемеев¹². В пригороде, к востоку от Канопских ворот, находился ипподром, описание которого имеется у Страбона (*Strab.*, XVII, I, 10). Главная улица, могла соединять храм Муз, с сооружением, предназначенным для конных состязаний. Конный спорт в ту эпоху был вполне «мусическим» и культовым занятием. В играх, учрежденных зависимой от Египта Лигой островитян, в постановлении которой прямо говорится, что они будут устраиваться по подобию александрийских Птолемейев (*Syl.*³ I, 390), одновременно проходили три вида агонев: спортивный (**gymnicos**), мусический (**mousicos**) и конный (**hippicos**).

Театр, согласно Цезарю (*De bell. civ.* III, 112), непосредственно примыкал к царскому дворцу. Но дворец к I в. до Р. Х. представлял собой не одно здание, а целую цепь построек, поэтому определить его положение по отношению к Мусею не представляется возможным. Архитектурная реконструкция театра (равно как и стадиона, ипподрома,

¹¹ Одна из сравнительно недавних публикаций на эту тему: *Erschine A. Culture and Power in Ptolemaic Egypt. The Museum and Library of Alexandria // Greece & Rome, 2nd ser. 1995. Vol. 42. № 1. P. 38-48.*

¹² *McKenzie J. The Architecture of Alexandria and Egypt ... P. 49.*

гимназия), наоборот, не вызывает затруднений, поскольку все такого рода сооружения в античном мире были однотипны.

Римляне во II в. построили Одеон, имевший более узкое предназначение – музыкальные и песенные состязания. Обнаруженный при раскопках еще 1960-х гг. в районе Ком эль-Дикка, он был частью римского квартала с большой виллой, термами, гимнасием.

Переходя к науке, отметим, что хотя и ее взаимосвязь с языческой религией очевидна, здесь к культу неизбежно присоединяется утилитарное начало. В первую очередь это относится к медицине, находившейся под покровительством Музы Талии. Служившие при Мусее врачи (Герофил, Эрасистрат) заботились о здоровье царской семьи. Интересно, что «врачи из Мусея» устраивали свои собственные агоны, целью которых было выявление профессионального мастерства. О таких агонах известно из надписей, обнаруженных в Эфесе, – городе, долгое время подвластном Птолемам (FiE. II, 65; FiE. III, 68). Неясно, идет ли там речь о врачах, получивших образование при Мусее в Александрии, или же в Эфесе существовал свой Мусей по подобию египетского¹³, но в любом случае можно говорить о традиции, требовавшей особого, доступного зрителям помещения.

В Большом доме Мусея могла быть зала, где устраивались публичные анатомические сеансы, о которых с осуждением говорят источники римского времени (*Cels. De med. Praem.; Tertull. De anim.*, 10). Публика могла допускаться и в некоторые из дворцовых зданий. Птолеми, как явствует из XV Идиллии Феокрита (*Theocr.*, XV, 22), пускали во дворцы народ во время празднеств. Став резиденцией римского наместника, не обладавшего, в отличие от Птолемеев, царственной харизмой, дворцы, со всеми накопленными в них коллекциями, делаются еще более доступными для горожан и путешественников.

Там же, во дворцах, размещались коллекции, созданные александрийскими механиками. Герон Александрийский описывает в своих трудах огромное количество автоматов, лишь малая доля которых была пригодна для практического применения¹⁴. Они служили более для забавы и заполняли царские сады и дворцовые залы, но, возможно, имелось специальное помещение, где были собраны опытные образцы. К сфере деятельности механиков Мусея мы можем отнести конструирование и строительство кораблей. Афиней приводит сведения о каталогах кораблей Птолема II и Птолема IV, созданных александрийскими писателями Мосхионом и Калликсеном, возможными членами содружества Мусея. Как показали недавние подводные раскопки на месте Царской гавани в Александрии, она была окружена прогулочными эспланадами, и стоявшие в ней корабли были доступны для обозрения

Механиков Ктесибия (жившего при первых Птолемах) и Герона прежде считали учителем и учеником, но в настоящее время жизнь Герона переносят в I или даже II вв.

¹³ Knibbe D. Ephesos // RE, Supplementband XII. Stuttgart, 1970. Sp. 291.

¹⁴ Дильс Г. Античная техника. М.; Л., 1934. С. 37.

нашей эры, следовательно, временные рамки существования мастерской продлеваются на четыреста с лишним лет.

Столь же долгий период существовала обсерватория со своим кругом ученых, преданных культу Урании, поскольку Аристарх Самосский служил в Мусее по крайней мере с 280-х гг. до Р. Х., а при римлянах осуществлял служение Клавдий Птолемей (рубеж I и II вв. нашей эры). После него в христианскую эпоху был еще сохранявший языческую веру математик и астроном Теон (ок. 335 – ок. 405). Византийский источник определенно называет его «человеком из Мусея» (*Suid.*, s.v. **Theon**).

Сведений о сохранении в период Римской империи царского зверинца не имеется, хотя при Птолемеех он был одной из главных достопримечательностей города. Письменные сведения о зверинце представляют собой фрагменты описаний процессов в честь Диониса и Птолемея. Афиней (V, 200f, 201a – c), Диодор Сицилийский (III, 36 sqq.) и папирусный отрывок (P. Cairо Zen. 59075) упоминают таких представителей фауны как леопарды, рыси, индийские и африканские буйволы, дикие ослы из Моава, жираф, носорог, питон, полярный медведь, попугаи, павлины, фазаны, цесарки. Когда животных возвращали в клетки и вольеры, они могли служить объектами наблюдений и описаний ученых Мусея.

Таковыми же становятся машины и механизмы (труды Филона Византийского и Герона), царские корабли (Мосхион и Калликсен), изделия из золота, серебра и бронзы (*Athen.*, VI, 231b – 234c). Добавим к этому (конечно еще не в качестве музейной экспозиции, а в качестве дворцового декора) статуи, мозаики и знаменитые птолемеевские геммы. Таким образом, вся цепь дворцовых построек и парков, составлявших, как подчеркивает Страбон (XVII, 1, 8), единое целое со святилищем Муз, становится общей пространственной средой Мусея.

Остается рассмотреть, как на этом пространстве велось преподавание наук и искусств, которое берет начало уже при Птолемея I (Евклид, Деметрий Фалерский, Стратон Физик обучали членов царской семьи). Если для обучения престолонаследников подходили комнаты в дворцовых покоях, для публичных лекций нужен был гимнасий. О нем сообщает Страбон, подчеркивая его размеры и красоту (*Strab.*, XXVII, 1, 9). Экседра Мусея, ввиду малой вместимости таких сооружений, для многолюдных занятий не подходила.

Возможно, специально для публичных чтений непосредственно к внешней стене священного участка Мусея при императоре Клавдии была сделана пристройка, получившая его имя (*Suet. Claud.*, XLII, 2; *Athen.*, VI, 240b). Там сменяющие друг друга чтецы изо дня в день оглашали книги императора по истории этрусков и карфагенян. В такой форме осуществлялись сразу и популяризация знаний, и возвеличивание имени просвещенного монарха. Так что это мог быть и храм обязательного для римской державы императорского культа, примкнувший к святилищу, продолжавшему выполнять свою изначальную мемориальную функцию. В любом случае – это последняя значимая постройка, завершившая формирование всей сакральной среды.